

Очень трудно, а может, и невозможно определить рамки, разделяющие документальную прозу и художественную, сказать, что вот это – фикшн, а это – нон-фикшн. К тому же, между ними возникли и довольно бурно развиваются (впрочем, возникли, наверное, ещё на заре литературы, но в последнее время активно вводятся в литературоведение) *not fiction, faction...*

Может, и не нужно делить, определять, хотя это в природе читателя: ему хочется знать, было ли это на самом деле или автор всё выдумал; было ли *так* или *не совсем так...*

Не стану касаться зарубежных литератур, взгляну на нашу, русскую. Точнее, на крошечный её временной отрезок. Вот писатели – эмигранты первой волны. Во многом ради денег большинство из них пишут этикие беллетризированные воспоминания о литературной жизни России нулевых – 20-х годов XX века: Бунин, Георгий Иванов, Ходасевич... Георгий Иванов особенно активно эксплуатировал эту тему, используя один и тот же сюжет в нескольких очерках, вольно или невольно переиначивая его. И сколько критики, а то и брани, обвинений во лжи выслушал...

Или возьмём оставшегося в Советском Союзе Мариенгофа, его книгу “Роман без вранья”. Множество известных имён, и, в первую очередь, главный герой – Есенин, узнаваемые из произведений других авторов факты, реалии, но каждый (или почти каждый) исследователь того периода, о котором писал Мариенгоф в своей книге, отшатнётся в негодовании, если вы заговорите с ним о “Романе без вранья”, закричит тонким от возмущения голосом: “Это – враньё! Вранье без романа!” Да и современники встретили книгу Мариенгофа более чем враждебно, её автор на долгие годы стал в литературе изгоем.

Или вот сверстник Иванова и Мариенгофа – Валентин Катаев, которому довелось дожить до вегетарианских времён так называемого “застоя”, а вернее – до старости, когда опасаться было уже не очень нужно. И он выплеснул несколько главных, по моему мнению, произведений своей жизни. В том числе и роман “Алмазный мой венец”, где под прозрачными псевдонимами, а точнее – прозвищами вывел многих писателей 20-х годов. И тоже попал под каток обвинений во лжи, хотя свидетелей описанных (или выдуманных) событий к тому времени практически не осталось. Возмущались дети и внуки легко узнаваемых прототипов, их почитатели, литературоведы. Позднейшие исследования доказали, кстати сказать, что почти всё Катаевым взято из действительности, а не порождено старческим воображением.

Но главное: читать все эти произведения интересно, интереснее любой, даже самой талантливой беллетристики, самой глубокой и умной художественной прозы... Известные прототипы или тени известных, известные приметы времени, обстоятельства, многие ситуации, и всё это документальное (или же псевдодокументальное) описано художественным языком.

О политике таким же методом написано значительно меньше, чем о творческом мире. Хотя интерес к политическим процессам, к фигурам, участвующим в них, куда больше, чем к литературному процессу, к богеме. Может быть, это можно объяснить тем, что изнутри о политике писать по существу некому: или писательского дара с гулькиным носом, или страшно рассказать обо всём начистоту (а тем более правдоподобно пофантазировать на тему действительно произошедшего). Даже мемуары политики-пенсииеры пишут по большей части настолько сухие и пресные, столько не договаривают, что возникает вопрос: а зачем написали-то?

После этого длинного, но, как мне кажется, оправданно длинного введения перейду к сути: расскажу о книге Ильи Константинова "Мятежник".

Думаю, многие запомнили этого бородатого депутата Верховного Совета России 1990–1993 годов, одного из лидеров обороны Белого дома в октябре 93-го...

Судьба Константинова типична для социально активного человека тех первых лет так называемой "новой России" – России, во многом насильственно брошенной в начальную стадию капитализма со всеми её ужасами и озверением.

Перестройку он встретил кочегаром одной из ленинградских котельных. Вошёл в круг радикальных демократов – Марины Салье, Анатолия Сбчака, Галины Старовойтовой, – а через неполные пять лет упоминался в СМИ исключительно в одном ряду с Макашовым, Баркашовым, Анпиловым... Ночь на 5 октября встретил в случайном подъезде, куда забились бывшие защитники Дома Советов...

События этих пяти лет – между котельной и подъездом – и составляют содержание романа-хроники "Мятежник", занимающего основной объём одноименной книги.

Это ни в коем случае не мемуары, а действительно роман (ну, может быть, если судить слишком строго, повесть). Повествование ведётся от первого лица, главного героя зовут так же, как и автора, среди персонажей есть Ельцин, Руцкой, Хасбулатов, Макашов, Немцов, Зюганов, Лимонов, но язык вполне художественный, много прямой речи, есть лирические отступления, находится место и сатирическим штришкам, самоиронии.

Наверняка историки и очевидцы тех событий найдут в романе Константинова неточности, но, на мой взгляд, это вполне исторически достоверное произведение. А главное, это исследование процесса изменения восприятия людьми того, что происходило в стране и со страной, отношения к главной надежде демократов (а демократами в конце 80-х были многие) – Борису Ельцину. Константинов проводит исследование на себе, защищавшем Дом Советов с Ельциным внутри от ГКЧП в августе 1991-го, а в сентябре – октябре 1993 года – тот же Дом Советов от Ельцина и его сторонников...

Не стану пересказывать сюжет "Мятежника". Надеюсь, у книги будет читатель, она этого достойна. Тема, конечно, тяжёлая, но роман читается легко, с увлечением. Да и само время тогда было увлекательным – страшным и увлекательным. Иногда даже не верилось, что всё это происходит на самом деле, в реальности...

Что называется, для затравки, приведу два отрывка из романа.

Вот о первом за много десятилетий явлении триколора на официальном мероприятии (на дворе май 1990 года), который через год с небольшим станет государственным флагом России:

"Двое депутатов-москвичей из числа демократов установили на своих столах трехцветные бело-сине-красные флаги времён Российской империи.

– Позор! – кричал в микрофон кто-то из "Коммунистов России", – в зале заседаний Съезда народных депутатов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики я вижу флаги власовцев – пособников фашизма, предателей русского народа. Требую удалить фашистскую символику из зала!

– Прошу убрать постороннюю символику из зала, – не слишком уверенно затараторил председательствующий.

— Это флаг не пособников фашизма, это флаг государства Российскойской империи, — горчился один из москвичей. — И, между прочим, это флаг Российской республики, существовавшей с февраля по октябрь 1917 года; республики, уничтоженной в результате кровавого большевистского переворота!

— Да что с ними разговаривать, — дюжий коммунист бросился к флажку, пытаясь его сорвать.

— Убери руки, — возвысил голос бородатый демократ.

Началась небольшая свалка, в которой флажки удалось отстоять.

Борис Ельцин, сидевший с каменным лицом среди депутатов Свердловской делегации, будущий владыка всея Руси, казался совершенно безразличным к происходящему; взгляд его был устремлён куда-то вперёд, в сторону председательского места, которое он мысленно готовился взять”.

А это очень яркий пример лабиринта власти... Герой романа осенью 1991 года возвращается из поездки в Северную (территория России) и Южную (территория Грузии) Осетии с пакетом документов, которые передали ему в Цхинвали для президента РСФСР Ельцина. Докладывает Виктору Илюшину, помощнику Ельцина:

“— Как раз в тот момент, когда я находился в Цхинвали, состоялось заседание Верховного Совета Южной Осетии, на котором был принят целый ряд важных решений. Я привёз оттуда документы.

Илюшин молчал, не проявляя ни малейшего интереса к моим словам.

— Там обращение к президенту России, личное письмо председателя Верховного Совета Гассиева, справка о сложившейся ситуации, подготовленная военными, другие секретные документы, — я положил пакет с документами на стол перед Илюшиным. На конверте значился гриф “Совершенно секретно” и крупным шрифтом: “Президенту РСФСР Ельцину Б. Н. Лично, в собственные руки”.

Илюшин искоса посмотрел на конверт и осторожно отодвинул его от себя подальше:

— Напишите Борису Николаевичу записку на депутатском бланке с изложением сути дела. Я передам. А пакет пока заберите. <...>

В назначенное время я вновь был в приёмной. Не говоря ни слова, Илюшин протянул мне мою записку, на которой ручкой Ельцина красным карандашом было начертано: “Разобраться Руцкому”. <...>

Руководитель секретариата Руцкого Алексей Царегородцев <...> не хуже него (Илюшина. — **Р. С.**) понимал в тонкостях бюрократического этикета:

— Александр Владимирович эти бумаги не примет, — категорично заявил он, повертев в руках пакет.

— Но ведь президент поручил!

— Вы видите, что написано на конверте: “Ельцину в собственные руки”. Вице-президент не имеет права его вскрывать.

— А вы понимаете, что там идет война?

— Тем более! Не впутывайте Александра Владимировича. У него и без того неприятностей хватает: чего только на него не вешают, как дело гиблое — сразу Руцкой! Написано “Ельцину”, вот Ельцину и вручайте.

<...> Пакет жёг мне руки, и я поспешил к Бурбулису, в то время — третьему лицу в официальной российской иерархии. <...>

— Вскрывать не имею права. И звонить Борису Николаевичу по этому вопросу не буду, он уже в курсе, — вяло отреагировал он.

<...> И вот я снова в пахнущем кофе и табаком большом кабинете Хасбулатова. Руслан Иманович спокоен и даже несколько ироничен:

— Хе-хе! — тихо хмыкнул он, выслушав рассказ о моих хождениях по президентским кабинетам. — Такова техника безопасности власти. Ну ничего, не расстраивайся, я тебя в это дело впутал, я и выпутаю. Мы этот пакет сожжём, не вскрывая.

— Как сожжём? — не понял я сначала.

— Так, спичкой... Никакого риска! Пойми, Илья, — он резко перешёл на серьёзный тон, — у нас нет другого выхода: вскрывать — нельзя, хранить — нельзя, выбрасывать — нельзя и отправлять обратно — недипломатично. Сожжем, не вскрывая, и заактируем. При свидетелях. Согласен?

Разочарованно пожав плечами, я кивнул в знак согласия. Вскоре в туалетной комнате исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР весело заиграло пламя небольшого костерка, в котором сгорели не

только южноосетинское “Обращение к президенту и народу России” и прочие совсекретные документы, но и мои последние политические иллюзии”.

После Беловежского соглашения и начала “шоковой терапии” Константинов и часть демократов уходят в оппозицию не столько Ельцину, сколько его правительству. К оппозиционерам присоединяются сначала “умеренные” коммунисты и “неоголтелые” националисты, а потом и радикальные... В итоге вице-президент Ельцина Руцкой и большинство депутатов оказались против дальнейших шагов ельцинского правительства, не подчинились противоречащему Конституции указу 1400, и Верховный Совет был разогнан силой.

Многие недавние соратники Константинова из демократического лагеря, вовремя перешедшие к Ельцину или хотя бы поведшие себя тихо в те дни 1993-го, были избраны в Государственную Думу, получили высокие посты, помощь в бизнесе, а он остался, в общем-то, не у дел. Для одних – с клеймом мятежника, для других – как честный человек...

Роман дополнен рассказами, в которых *вещества прозы*, на мой взгляд, больше, чем в романе. Именно они, вроде бы частные истории частного человека, демонстрируют, что в нашу литературу пришёл новый сильный писатель. Очень рекомендую с ним познакомиться.